

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ 1670–1671 гг.
В РОМАНЕ К. Г. АБРАМОВА «ЗА ВОЛЮ»:
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ**

*Т. В. Гераськин, Е. А. Шаронова (Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Россия)*

В статье исследуется характер интерпретации исторических лиц и событий в современном историческом романе Мордовии. Внимание сосредоточивается на романе-сказании «За волю» К. Г. Абрамова, посвященном крестьянской войне 1670–1671 гг. под предводительством Степана Разина. Писатель останавливается на одном из заключительных этапов восстания, развернувшегося на территории Поволжья. В центре авторских предпочтений оказывается деятельность Акая Боляева и Алены Арзамасской – руководителей повстанческого движения в Поволжье. Своеобразие жанра романа-сказания выражается в художественном осмыслении исторического и фольклорного материала, составляющего основу произведения. Авторы статьи приходят к выводу о том, что в зависимости от характера восприятия писателем источника информации и принципов его отбора возникает тот или иной образ события и образ исторического героя. Это позволяет осмысливать историческую романистику К. Г. Абрамова не только в контексте российского литературного процесса XX столетия, но и уделить значительное внимание ее рассмотрению в качестве одного из этапов становления литературной традиции в России от XVIII века по настоящее время, что делает уместной интерпретацию прозы К. Г. Абрамова в контексте творчества Карамзина, Радищева, Княжнина, Чапыгина, Злобина, Шукшина, Прилепина, А. Иванова и др. Такой подход позволяет авторам статьи вывести имя К. Г. Абрамова из узких границ статуса провинциального писателя, писателя республиканского уровня и представить его творчество в новом проблемном ключе, поместив его в пространство диалога национальных культур и литератур разных эпох.

Ключевые слова: исторический роман; роман-сказание; межнациональные отношения; крестьянская война; система персонажей.

**ARTISTIC INTERPRETATION OF THE PEASANT
WAR 1670–1671 IN THE NOVEL BY K. ABRAMOV
“TOWARDS THE LIBERTY”: SCIENTIFIC
AND EDUCATIONAL CONTEXT**

T. V. Geraskin, E. A. Sharonova (Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia)

This article discusses the nature of interpretation of historical figures and events in modern historical novel of Mordovia. The article focuses on the novel-legend “Towards the Liberty” by K. G. Abramov, dedicated to the peasant war 1670–1671 under the leadership of Stepan Razin. The writer dwells on one of the final stages of the rebellion that took place on the territory of Volga region. In the center of the author’s preference is the activity Akai Bolyaev and Alena Arzamasskaya – leaders of the rebel movement in Volga region. The originality of the saga genre is expressed by artistic understanding of the historical and folklore material which the novel is based on. The authors conclude that depending on the nature of source of information perception and principles of its selection by the writer occurs one or another way the events and the historical image of a historical hero. This allows to comprehend the historical novel-writing of K. Abramov not only in the context of Russian literature of the twentieth century, but also consider it one of the stages in the development of the literary tradition in Russia from the eighteenth century to the present, which enables us to interpret the prose of K. G. Abramov in the context of the works by Karamzin, Radishchev, Knyazhnin, Chapygin, Zlobin, Shukshin, Prilepin, A. Ivanov and others. This approach allows the authors to bring out the name K. Abramov from the narrow limits of the provincial writer’s status and to present his work in a new problematic vein, placing it in the dialogue of national cultures and literatures of different periods.

Keywords: historical novel; novel-legend; international relations; peasant war; system of characters.

В современном мордовском литературоведении жанровый подход к исследованию национальной литературы признается одним из наиболее перспективных. Осмысление ее развития с точки зрения

истории отдельных художественных форм, анализ поэтической специфики текстов открывают широкие возможности для понимания общих тенденций и эволюции словесного искусства Мордовии, способ-

ствуют совершенствованию его преподавания в вузе и школе. Следует понимать, что жанр есть исторически сложившийся тип художественной формы, позволяющий писателю выразить свой замысел, а читателю адекватно воспринять текст.

Литературный жанр, обладая лишь ему присущими особенностями, проходит определенный путь в своем развитии. Поэтому одной из важных задач является понимание его специфики и изучение совокупности обстоятельств его функционирования в различные эпохи. Особое значение в этой связи имеет изучение феномена исторического романа, который, на наш взгляд, занимает центральное место в жанровой системе литературы Мордовии.

История и литература в России традиционно неразрывно связаны. Писатель выступает в роли комментатора, интерпретатора, летописца и творца «биографии» Отечества. В художественном произведении создается образ события, осмысливается его соответствие исторической эпохе и, что не менее важно, эпохе автора. В этом отношении представляет интерес крестьянское восстание под предводительством Степана Разина, воспроизведенное в романах А. Чапыгина («Разин Степан»), С. Злобина («Степан Разин»), В. Шукшина («Я пришел дать вам волю!»), К. Абрамова («За волю») и др. [5]. Каждый из художников создает свое представление о времени и о главном историческом персонаже – субъекте действия. У А. Чапыгина чувство времени выражается в демонстрации его потенциально бунтарского характера, требующего появления героев, подобных Разину; С. Злобин показывает не разгул и бунт, а выражает осознанное желание народа, выраженное Разиным, тотально исправить жизнь; В. Шукшин создает образ страдальца за народ: его Разин мучается в поисках верного решения, он благороден и прекраснодушен; К. Абрамова в первую очередь интересуют исторические устремления эрзянского народа и его реакция на восстание Разина, поэтому присутствие атамана в романе только заочное, однако на передний план выведены эрзянские вожди – Алена Арзамасская и Акай Боляев.

Актуальность темы настоящей статьи определяется и повышенным вниманием к финно-угорской проблематике, имеющим место в современном обществе. На рубеже XX–XXI вв. финно-угорские народы, безусловно, переживают этнический ренессанс, выражающийся в высоком переосмыслении своей истории, фольклора, языкового, литературного и культурного процессов.

При анализе произведений, написанных на историческую тему, следует иметь в виду, какие источники, документальные или фольклорные, были приоритетными для писателя [4, с. 22]. Часто официальный документ и фольклорное свидетельство конфликтуют, презентуя тот или иной исторический факт. Особенно показательно такое противоречие в отношении фигуры Степана Разина. В исторических песнях о нем его образ романтизируется, он представляется как удалой казак, справедливый, честный и бескорыстный, бьющийся за народное счастье. Именно в такой совокупности характеристик персона Разина усваивается писателями советского времени.

Совсем иначе трактуется личность удалого атамана в исторических трудах, созданных до 1917 г. И. А. Бунин в «Окаянных днях» ссылается на Н. И. Костомарова: «А вот из Костомарова, о Стеньке Разине: “Народ пошел за Стенькой обманываемый, разжигаемый, многого не понимая толком... Были посулы, привады, а уж возле них всегда капкан... Поднялись все азиатцы, все язычество, зыряне, мордва, чуваша, черемисы, башкиры, которые бунтовались и резались, сами не зная за что... Шли “прелестные письма” Стеньки – “иду на бояр, приказных и всякую власть, учиню равенство...”. Дозволен был полный грабеж... Стенька, его присные, его воинство были пьяны от вина и крови... возненавидели законы, общество, религию, все, что стесняло личные побуждения... дышали мстостью и завистью... составились из беглых воров, лентяев... Всей этой сволочи и черни Стенька обещал во всем полную волю, а на деле забрал в кабалу, в полное рабство, малейшее ослушание наказывал смер-

тью истязательной, всех величал братьями, а все падали ниц перед ним...» [2]. И. А. Бунин, отрицательно переживавший революционные события 1917 г., ищет исторические параллели, которые помогли бы ему осмыслить современность.

Жизнь народа есть некий закодированный текст, прочтению которого способствуют талантливые писатели. Выражая себя, они пишут биографию народа, которая становится одной из сюжетных линий всеобщей истории [6]. В этом проблемном ключе следует рассматривать и творчество К. Г. Абрамова, благодаря которому организуется столь важный для российской ментальности диалог между прошлым и настоящим («Лес шуметь не перестал», «Люди стали близкими», «Дым над землей», «Сын эрзянский», «Пургаз», «За волю» и др.) [3, с. 7].

Во второй половине XX в. К. Г. Абрамов стал первым романистом, обратившимся к древней эрзянской истории, воссоздавшим ее в российском и финно-угорском контекстах. Он это сделал на волне интереса к национальному языку, культуре, литературе и пониманию роли народа в истории России, что способствовало формированию этнического образа эрзи.

Воссоздавая историческое прошлое своего народа («Пургаз», «За волю»), К. Г. Абрамов обращается к жанру романа-сказания [8]. В романе-сказании «Олячинть кисэ» («За волю») писатель подвергает художественной реконструкции последний этап крестьянского восстания 1670–1671 гг. в Среднем Поволжье, когда к казакам присоединились эрзяне, мокшане, татары, русские, марийцы, чуваша. Главной задачей автора стало отражение атмосферы века, рождающей гениальные личности, и понимание разума времени, его стратегии и планов. Наряду с описанием крестьянской войны изображаются межнациональные отношения, обычаи и традиции, сложившиеся в эрзянских, русских, татарских селениях.

К. Г. Абрамов стремится использовать возможности романа-сказания, совмещающего в себе элементы письменной и устной литературы [4, с. 129]. Писатель

обращается к читателям как к слушателям, отчего возникает ощущение сопричастности происходящему и реальности описываемых картин. Однако согласно авторскому замыслу, читатель погружается в водоворот событий постепенно, получая возможность адаптироваться, почувствовать атмосферу времени, познакомиться с героями, являющимися воплощением определенных нравственных и социальных типов.

В романе разрабатываются две сюжетные линии, которые ничем, кроме главных действующих лиц (Акай Боляев и Алена Арзамасская) и географических названий, не отличаются. Сподвижники атаманов, за редким исключением, неярки и однообразны, вся творческая энергия художника направлена на создание образов центральных героев.

Повествование в обеих частях романа-сказания строится по одной схеме: вначале обозначаются основные черты характера героя, его положение в обществе, семейный статус. Затем вокруг него создается пространство, возникают события, появляются другие персонажи, складываются отношения, развиваются конфликты (мы говорили выше о специфике жанра романа-сказания, которая помимо прочего выражается в тесном контакте фольклорного, документального и литературного начал. Воспроизведенная нами схема творения художественного времени и пространства в романе «За волю» зеркально отражает мифологический алгоритм творения мира в эрзянском его варианте [9]). Главный герой – стержень, на котором фиксируется вся конструкция произведения. Из-за этого кажется, что исчезни он – и действие рассыплется. Во избежание подобного «катаклизма» писатель поначалу связывает художественный контекст эпизодическим включением в него центральных героев.

К. Г. Абрамов наделяет Акаю Боляеву и Алену Арзамасскую исторически реальными чертами, побуждает поступать адекватно требованиям современности, отчего появляется иллюзия их независимости от воли автора. Благодаря этому раскрывается идейно-тематический смысл произ-

ведения, поскольку даже в историческом романе, призванном описывать судьбоносные события, в их центре находится Человек. Видимо, поэтому писатель заполняет роман большим количеством персонажей, многие из которых появляются лишь на мгновение, не успев чем-либо запомниться читателю, но выполнив свою важную миссию (так, живописец, накладывая на холст мазок за мазком, каждый из которых сам по себе, без других – ничего не значит, постепенно создает масштабное полотно жизни). Например, неоднократно упоминается Яков Никитинский как соратник Акая Боляева, авторитетный казак, избранный воеводой Саранской крепости. Однако невозможно понять причины, по которым он получает особенное положение в своем кругу, так как автор констатирует его замечательность, не давая возможности проявить предполагаемые исключительные качества. В этом же ряду и другой персонаж – атаман Леонтьев, который представлен как «молодой донской казак с темноватой короткой бородкой и карими глазами» [1, с. 256]. Фигуры, подобные им, не являются субъектами художественного действия. Несмотря на то, что люди с такими именами действительно существовали, их воскрешение в романе не имеет концептуального смысла. Все, что происходит, никак с ними не связано, от них не зависит, не подчинено их воле. Они не играют даже пассивной роли. Использование тех или иных имен в качестве документального фона продуктивно тогда, когда направлено на расширение исторического контекста.

Иные художественные подходы избирает К. Г. Абрамов для включения в мир романа главных персонажей. Образы Акая Боляева и Алены Арзамасской раскрываются через эмоционально-психологический портрет личности, через описание внешности, через открытие биографических подробностей. Они выступают камертонами исторической эпохи.

К. Г. Абрамову удалось создать удивительно гармоничные и многогранные характеры. Например, Алена самодостаточна, обладает мощным интеллектом, имеет твердую систему ценностей, согласно

которой выстраивает жизнь. Влияние ее почти волшебной силы распространяется на все ее окружение, которым она наделяется идеальными, почти нереальными чертами. В этом и заключается трагедия незаурядной личности, которая нуждается в понимании, а не в обожании. Психология народа такова, что ему удобнее превозносить идеал, даже страдать за него и умереть, но не разбираться в его мыслях и побуждениях.

Образ Акая Боляева раскрывается в иных контекстах. Являясь вождем повстанцев, он не наделяется ими сверхъестественными качествами, а воспринимается как один из них. Этому способствует и то, что, в отличие от Алены, он имеет семью, детей, родителей, друзей; живет и чувствует по-земному, поэтому доступен и по-настоящему любим. Чтобы наполнить образ Акая новыми оттенками, К. Г. Абрамов расширяет круг его общения. Он изображается в качестве сына, брата, мужа, отца, друга; хозяина дома, полководца, идеолога повстанцев. В каждом своем проявлении он особенен. Например, являясь старшим по отношению к брату Тишаю, он руководит им, дает советы, по необходимости подчиняет себе, активно участвует в его жизни. Оказываясь в родительском доме, начинает играть роль сына, обязанного во всем следовать воле отца. Подобные метаморфозы настолько естественны и логичны, что только помогают сохранить основу характера, позволяющую формировать цельный образ недюжинного человека, сознательно творящего принципиально отличающийся от настоящего справедливый мир. Писатель сделал удачную попытку разобраться в том, каково самовосприятие избранника времени, призванного вершить судьбы и быть ответственным за многих. Для этого им были созданы принципиально не похожие положительные образы вождей, воплощающие национальный идеал, и выявлены причины, по которым народ создает себе кумира и готов ему поклоняться.

Исследуя традиции мировой литературы, К. Г. Абрамов оказывается в недлинном ряду тех, кто сознательно формирует

традицию эрзянской литературы. Традиция развивается на базе противоречивого взаимодействия создателей образцов и их реципиентов. К. Г. Абрамов, переработав максимум необходимого материала и сформировавшись на нем, сам стал организующей силой, находясь при этом в двойственном отношении к традиции: воспринимая и развивая ее.

Писатель, работая над романом, использовал фольклорные источники и документальные данные. Повествование ведется им в рамках строгой хронологии. Последовательность событий в романе соответствует последовательности событий, происходивших в XVII в. Почти все персонажи романа имеют реальных прототипов. Таковы Михаил Харитонов, Федор Сидоров, Василий Федоров, Яков Никитинский, Максим Кондратьев, священник Данила Васильев, старица Алена, Акай Боляев, царские посланники Урусов, Барятинский, Долгоруков.

Из всего многообразия проблем, затронутых автором, обратил внимание на проблему межнациональных отношений, которые рассматриваются с различных позиций: между татарами, русскими, казаками и эрзянами в Саранской крепости; между татарами и эрзянами на семейном уровне; между бойцами в повстанческих отрядах; между администрацией Саранской крепости и ее многонациональным контингентом. Характер контактов одних и тех же людей разных национальностей меняется в зависимости от конкретных обстоятельств. Например, татарин мурза Алтыбай с уважением и доброжелательно относится к эрзянину мурзе Акаю и его брату Тишаю, но татарин Алтыбай абсолютно нетерпим к эрзянину Тишаю как к жениху дочери. Воевода Вельяминов, находясь в состоянии безопасности, без уважения относится к татарским и эрзянским мурзам, а в ситуации, когда Разин идет на Саранск, ищет поддержки именно у татар и эрзян, рассчитывая на их преданность и дисциплину. В свою очередь, эрзянские, мокшанские и татарские мурзы, подчиняясь воеводе, мечтают объединиться с войском Разина.

Известно, что положительный герой исторического романа – это положительный герой самой истории, воплощающий в себе ее прогрессивные устремления. В широком понимании – это создатель жизни, сохранивший о себе память в народе. Заметим, что такое восприятие «положительного героя самой истории» исторический роман усваивает у исторической песни XVI–XVIII вв. Вспомним песни, в которых фигурирует царь Иван Грозный. Он презентуется как положительный герой в силу той роли, которую сыграл в истории государства [10, с. 394–403]. Здесь особенности его характера имеются в виду, но, будучи отнесенными к области частной жизни, остаются на периферии внимания песнетворцев.

Автор романа пытается уловить атмосферу времени и заставляет проявиться в ней своих героев. Так, Акай Боляев в полной мере сформировавшийся человек, исповедующий гуманное отношение к людям, имеющий сложившуюся, разумно гибкую систему моральных и социальных ценностей, мечтающий об установлении справедливого жизненного порядка. Чтобы усилить впечатление от образа Акая, автор вводит в повествование другой персонаж – его младшего брата Тишай. Они есть полная противоположность друг другу. Первый – серьезен, мудр, рассудителен, озабочен судьбами родной земли; второго волнуют лишь отношения с возлюбленной.

Акай наделен качествами талантливого организатора, предвидящего последствия всякого действия, стремящегося ничего не упустить, связать воедино разорванные нити событий и поступков. Как всякий недюжинный человек он идеализирует людей, видит только положительные их проявления. Такая подача героя – элемент писательской стратегии К. Г. Абрамова, заимствованный из фольклорной поэтики. Известно, что фольклорные герои существуют либо в положительной, либо в отрицательной плоскости восприятия, при этом их мировоззренческий кругозор широк, а алгоритм поступков поликонтекстен.

В подобном плане может быть рассмотрен и образ Алены Арзамасской. Уже

отмечалось, что писатель настаивает на ее исключительности, чему способствует и нетривиальность ее биографии: смерть мужа, монашество, жизнь в миру, занятия врачеванием, атаманство. Показательно, что автор актуализирует тот тип героев, чья жизнь имеет свой оригинальный сюжет, который может составить сюжет целого романа.

Персонажная система подчинена у К. Г. Абрамова строгой логике: каждое действующее лицо имеет синонимическую и антонимическую пару, что способствует упрочнению конструкции романа. Например, Акай и Алена, Акай и Тишай; Федоров и Харитонов, Федоров и Афросинья; Алена и Акай, Алена и Катерина и т. д.

«За волю» – художественно многоплановое произведение, исторически адекватно воспроизводящее события середины XVII в. Его автор использовал документы, касающиеся того периода крестьянской войны, когда взбунтовалось многонациональное население Поволжья и поднялось на помощь Разину. Богатым дополнением к фактическим данным служит в романе описание древних эрзянских обычаев и традиций, которые искусно вплетены в общий контекст повествования. Заметим, что введенный К. Г. Абрамовым в литературу рубежа 80–90-х гг. XX в. жанр романа-сказания по-настоящему масштабно реализовался в литературе «нулевых» годов XXI столетия в творчестве А. Иванова («Сердце пармы, или Чердынь», «Золото бунта, или Вниз по реке теснин»). Причем, К. Г. Абрамов невольно проявился в современной российской художественной словесности не только через жанр, не только через реконструкцию истории посредством погружения в мир фольклорных событий и героев, но и через актуализацию чрезвычайно популярной сегодня финно-угорской проблематики (что доказывается произведениями таких русских писателей, как А. Иванов, П. Крусанов, С. Завьялов, Д. Осокин и др.).

Литературный процесс в учебниках мордовской литературы представляется как последовательная смена творческих портретов писателей, что оправдывается

стремлением раскрыть общую динамику развития национальной литературы. Безусловно, литературный процесс следует рассматривать как историю возникновения, развития, взаимодействия и смены жанровых моделей. Включение этой проблемы в научно-образовательный контекст позволит сосредоточиться на жанровом своеобразии произведений (что учитывает и особенности реализации жанра, и тип повествователя, и персонажную систему, и проблемно-тематический аспект и т. д.). Для решения данной задачи требуется создание учебников с принципиально новой концепцией подачи материала, программ спецкурсов и спецсеминаров для бакалавров и магистров с учетом современных требований образования, направленных на исследование указанного аспекта истории мордовской литературы. При этом важно, чтобы авторы учебников отказались рассматривать явление эрзянской и мокшанской литературы в искусственно локализованных границах. Исследование специфики развития национальных литератур России в новых культурных, политических, социальных и исторических условиях должно обрести контуры мегапроекта государственного масштаба, а в контексте финно-угорской проблематики выйти за пределы нашей страны. Тем более, что российская культура однажды уже создала алгоритм выхода литературы из забвения. В XVIII в. тираж литературного произведения рассматривался не как коммерческий, а как престижный элемент. Ю. М. Лотман в работе «Литература в контексте русской культуры XVIII века» говорит о том, что «связь литературных задач с культурно-просветительными и культурно-строительными представляется настолько естественной, что всякая попытка извлечь из произведения частную выгоду ... рассматривается как унижительная» [7, с. 134]. Писатель и издатель ориентировались не на коммерческий спрос, а на культурную задачу. Тираж учитывал, «сколько читателей должно быть, а не их реальное количество». Лучшие представители эрзянской литературы часто тоже не следуют за культурной ситуацией, а активно создают ее.

СПИСОК
ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамов, К. Г.* За волю / К. Г. Абрамов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1995. – 320 с.
2. *Бунин, И. А.* Окаянные дни [Электронный ресурс] / И. А. Бунин. – Режим доступа: <http://bunin.niv.ru/bunin/bio/okayannye-dni-3.htm>.
3. *Гераськин, Т. В.* М. Т. Петров и развитие традиций мордовского исторического романа: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Гераськин. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1996. – 17 с.
4. *Гераськин, Т. В.* Основные внутризжанровые разновидности мордовского исторического романа / Т. В. Гераськин // Межвузовский сборник научных статей докторантов, аспирантов и соискателей. – Саранск : ООО «Вектор-Принт», 2013. – С. 21–26.
5. *Гераськин, Т. В.* Русь и мордва в фольклоре и исторической прозе / Т. В. Гераськин, Е. А. Шаронова. – Саранск, 2013. – 328 с.
6. *Гераськин, Т. В.* Тема интеграции народов в мордовской исторической прозе / Т. В. Гераськин // Финно-угорский мир: экономическое и социокультурное развитие. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2011. – С. 207–215.
7. *Лотман, Ю. М.* Литература в контексте русской культуры XVIII века / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. О русской литературе. – Санкт-Петербург : «Искусство-СПб», 2012. – С. 118–168.
8. *Федосеева, Е. А.* Исторический роман Мордовии / Е. А. Федосеева. – Саранск, 2000. – 48 с.
9. *Федосеева, Е. А.* Книжные формы мордовского героического эпоса : возникновение и эволюция / Е. А. Федосеева. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2007. – 212 с.
10. *Федосеева, Е. А.* Межнациональные отношения в эпической поэзии мордвы / Е. А. Федосеева // Регионология. – 2006. – № 4. – С. 394–403.

Поступила 12.09.14.

Об авторах:

Гераськин Тимур Владимирович, доцент кафедры общенаучных дисциплин Ковылкинского филиала ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева» (Россия, г. Ковылкино, ул. Желябова, д. 26), кандидат филологических наук, 70gtv@rambler.ru

Шаронова Елена Александровна, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева» (Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), доктор филологических наук, sharon.ov@mail.ru.

Для цитирования: Гераськин, Т. В. Художественное осмысление крестьянской войны 1670–1671 гг. в романе К. Г. Абрамова «За волю»: научно-образовательный контекст / Т. В. Гераськин, Е. А. Шаронова // Интеграция образования. – 2015. – Т. 19, № 1. – С. 141–148. DOI: 10.15507/Inted.078.019.201501.141

REFERENCES

1. Abramov K. G. Za volju [Towards the Liberty]. Saransk, Mordovia Publ., 1995, 320 p.
2. Bunin I. A. Okajannye dni [Accursed days]. Available at: <http://bunin.niv.ru/bunin/bio/okayannye-dni-3.htm>.
3. Geraskin T. V. M. T. Petrov i razvitie tradicij mordovskogo istoricheskogo romana: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [M. T. Petrov and development of traditions of Mordovia historical novel: author's abstract of Kand. phil. sci. thesis]. Saransk, Mordovia State University Publ., 1996, 17 p.
4. Geraskin T. V. Osnovnye vnutrizhanrovyje raznovidnosti mordovskogo istoricheskogo romana [Basic intragenre varieties of Mordovian historical novel]. *Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh statej doktorantov, aspirantov i soiskatelej* [Interuniversity collection of research papers by doctoral students, post graduate students and external doctorate students]. Saransk, Vektor-Print Publ., 2013, pp. 21–26.
5. Geraskin T. V., Sharonova E. A. Rus' i mordva v fol'klore i istoricheskoj proze [Russia and Mordvinians in folklore and historical prose]. Saransk, 2013, 328 p.
6. Geraskin T. V. Tema integracii narodov v mordovskoj istoricheskoj proze [Theme of integration of peoples in Mordovian historical prose]. *Finno-ugorskij mir: jekonomicheskoe i sociokul'turnoe razvitie* [Finno-Ugric world: economic, social and cultural development]. Saransk, Mordovia State University Publ., 2011, pp. 207–215.
7. Lotman Yu. M. Literatura v kontekste russkoj kul'tury XVIII veka [Literature in the context of Russian culture in the eighteenth century]. *Lotman Ju. M. O russkoj literature* [Lotman Yu. M. on the Russian literature]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2012, pp. 118–168.

8. Fedoseyeva E. A. Istoricheskiy roman Mordovii [Historical novel of Mordovia]. Saransk, 2000, 48 p.
9. Fedoseyeva E. A. Knizhnye formy mordovskogo geroicheskogo jeposa: vzniknoenie i jevoljucija [Bibliofoms of Mordovian heroic epic: the emergence and evolution]. Saransk, Mordovia State University Publ., 2007, 212 p.
10. Fedoseyeva E. A. Mezhnacional'nye otnoshenija v jepicheskoj poezii mordvy [Interethnic relations in the epic poetry of Mordva]. *Regionologija* [Regional Studies]. 2006, no. 4, pp. 394–403.

About the authors:

Geraskin Timur Vladimirovich, senior lecturer of Kovylkino campus of Ogarev Mordovia State University (68, Bolshevistskaya Str., Saransk, Russia), Candidate of sciences (PhD) degree holder in philological sciences, 70gtv@rambler.ru

Sharonova Elena Aleksandrovna, professor of Russian and Foreign literature chair of Ogarev Mordovia State University (68, Bolshevistskaya Str., Saransk, Russia), Doctor of sciences degree holder in philological sciences, professor, sharon.ov@mail.ru

For citation: Geraskin T. V., Sharonova E. A. Hudozhestvennoe osmyslenie krest'janskoj vojny 1670–1671 gg. v romane K. G. Abramova “Za volju”: nauchno-obrazovatel'nyj kontekst [Artistic interpretation of the peasant war 1670–1671 in the novel by K. Abramov “Towards the liberty”: scientific and educational context]. *Integracija obrazovanija* [Integration of Education]. 2015, vol. 19, no. 1, pp. 141–148. DOI: 10.15507/Inted.078.019.201501.141